

Забота о каждом человеке очень важна*

Л. Д. Рябев

Я, конечно, не могу быть полностью беспристрастным и независимым, потому что всей жизнью привязан к ядерно-оружейному комплексу и к ядерной энергии. Во-вторых, я считаю, что каждый из сидящих в зале имеет полное право на свой собственный взгляд, на оценку тех заседаний, которые здесь были. Поэтому я не хотел бы навязывать свое мнение. Но некоторые моменты отмечу. Тем более они, как мне кажется, будут важными в моей дальнейшей деятельности.

На меня большое впечатление произвела представленная в одном из докладов фотография, показывающая воздействие «горячих частиц». Поясню, почему. В 1986 г. мне пришлось более месяца провести в Чернобыле сразу после аварии и участвовать в ликвидации

последствий этой огромной катастрофы. Тогда о роли «горячих частиц» мы беседовали с академиком В. А. Легасовым. Здесь, на фотографии, было наглядно показано, насколько важен этот малоизученный эффект с точки зрения влияния на экологию как «мирной», так и «немирной» нашей деятельности.

К сожалению, у нас в России нет еще, я считаю, практики рассмотрения в должной мере экологических последствий независимыми экспертами. Но высокая правовая культура — необходимое условие для существования как военной атомной энергии, так и невоенной. Эта сторона еще не до конца у нас проработана, в том числе законодательно. Такой демократический подход, в котором была бы видна забота о каждом человеке, очень важен. Мы не можем атомную энергию навязывать людям: никакое «осчастливливание» силой в жизнь не внедришь. Они должны воспринять ее сами.

Далее. Стремление к монополии на ядерное оружие — бессмыслица. Это четко показано во всех докладах. Сначала была монополия одной страны, потом двух стран. Затем много лет монополия «пятерки» на ядерное оружие. Но мы видим, что и монополия «пятерки» кончается: на этот путь вступают новые страны. Хотим мы или не хотим, но так развива-

ются события. Следовательно, нам надо иначе двигаться к более спокойному миру.

Накопленные знания в ядерной деятельности (в том числе военной) заставляют сделать еще один вывод. Если на первом этапе это было оружие как бы избранных стран — США, России и т. д., которые имели богатую культуру, промышленность и прочее, то сегодня ядерным оружием стали обладать относительно бедные страны. Мне кажется, появляется какое-то новое качество. Поэтому не случайно 43 государства, обладающие атомной энергией, должны ратифицировать Договор о запрещении ядерных испытаний прежде, чем он вступит в силу.

Сегодня прозвучали блестящие выступления наших дипломатов о событиях сорокалетней давности — о том, как мы шли к пониманию необходимости запрещения ядерных испытаний. Я три года тоже участвовал в последних переговорах на эту тему. Казалось бы, для нас, специалистов, — простая вещь. А сорок лет ушло на осознание того, что это можно сделать, но, насколько известно, дебаты продолжаются. И кое-где (не буду называть страны) проблема ратификации Договора под вопросом.

Еще один вопрос, который связан с обладанием ядерным оружием. Когда мы стали ядерной державой, это выглядело

*Выступление Л. Д. Рябева на конференции 1999 г. в Лаксенбурге (Австрия).

престижно. Казалось бы, надо осуждать за то, что оружие массового уничтожения у кого-то появляется, а в действительности в политическом плане страна становится более значимой. К ней уже другое отношение. До сих пор сила является аргументом в тех или иных политических дебатах. Пока подобные факторы действуют, угроза, естественно, тоже будет оставаться.

Мне кажется, наши обсуждения наглядно показали, что только равенство, баланс сил способны вести к дальнейшим шагам по разрядке и разоружению. Наши оружейные комплексы достигли чудовищных размеров — десятки тысяч ядерных боеприпасов с каждой стороны. Можно многократно уничтожить все живое на Земле. Но 10 или 15 раз — какая разница! Достаточно уничтожить единожды — и человека не будет. Осознание этого тоже не сразу пришло. К сожалению, сегодня наблюдается новая попытка изменить существующее равновесие. Я не буду вдаваться в подробности. Но не исключено, что мы можем оказаться перед новым этапом гонки вооружений. Значит, прошлое, уроки которого мы обсуждаем, не научило нас действовать правильно в настоящем.

Еще один очень важный момент, как мне кажется. Я не вижу другого вида техники, где так близко были бы связаны военные и мирные проблемы, один шаг от атома мирного к атому военному. И тем более, если накоплены расщепляющиеся материалы. Здесь существует какое-то своеобразие в отличие от других видов техники, даже ракетной.

Мы с вами наблюдали по докладам, какая была эйфория в 50-е годы. Мы говорили

о мирном применении атомной энергии на самолетах, локомотивах и т. д. Говорили о ядерных мирных взрывах. Но на конференции по запрещению ядерных испытаний, когда проходили встречи с американцами и другими делегатами, мы не могли найти убедительных фактов большого экономического эффекта в этой огромной программе мирной деятельности. Хотя у нас, в России, было проведено 124 мирных взрыва, и можно говорить о многих научных результатах, которые при этом были получены. Значит, проблемы оказались сложнее. И вот вы слышите, что около 200 миллиардов долларов требуется для того, чтобы ликвидировать экологические последствия военных ядерных программ в Соединенных Штатах. Недавно мне рассказывали об отчете, в котором обсуждается проблема ликвидации последствий, связанных с накоплением десятков, сотен тысяч тонн отработанного топлива в рамках мирной деятельности, в том числе в США. Это тоже сотни миллиардов долларов. То есть и мирная энергетика, с экологической точки зрения, не оказалась очевидной и быстрой для внедрения. Очень сложные вопросы.

Наконец, то, что обсуждалось здесь — так называемая радиофобия и прочее. Мне в 1989 г. пришлось столкнуться с этим на ряде атомных станций, которые мы строили в Крыму и на юге Украины. Буквально тысячи людей протестовали против ввода новых блоков. Я понял, что мне, живя в Москве, бессмысленно убеждать живущих в Крыму в том, что им нужен ядерный блок рядом с их домом. Естественно: ты сам поживи здесь

рядом, а потом нас убеждай. Приходилось искать и находить другие аргументы. Боязнь, страх — к сожалению, огромная социальная плата за этот вид техники. И она больше, чем плата за нефть, газ, другие, скажем, самолетные технологии. Такова реальность, начиная от атомной бомбы 1945 г. и других событий, которые происходят. Бомбардировка Японии до сих пор будоражит весь мир. И, если какая-то страна добивалась огромных успехов в чем-то, это не значит, что ее завтра не будет трясти. Потому что у соседа может произойти неприятность, и общественное мнение будет направлено уже против всех. Вот так тесно мы сегодня связаны. Поэтому, мне кажется, надо говорить не о конкуренции в ядерной сфере, не о завоевании рынка «в борьбе», а о международном сотрудничестве в решении проблем атома в интересах всех. Другого пути я не вижу.

Кончается XX век. Мы вступаем с вами в век XXI. Что будет в этом столетии — для меня, по крайней мере, не ясно. Может быть, кому-то яснее. Но, возможно, чуть-чуть это зависит от сидящих в зале и от тех коллективов, которые за всеми нами стоят. И в том числе от тех, кто поднимает пласты прошлого, чтобы лучше понять сегодняшний или завтрашний день.

Я еще раз хотел бы поблагодарить всех тех, кто организовал эту прекрасную конференцию: господина Макдональда — директора Международного института прикладных системных исследований, других организаторов; всех участников. Большое спасибо, что вы приняли участие. И до новых встреч.